

УДК 811.111

И.В. ВАКОРИНА
(Смоленск)

**МАТЕРИНСКАЯ ПРАКТИКА «ИСЦЕЛЕНИЕ» В АФРОАМЕРИКАНСКОМ СОЦИУМЕ
(на материале романа Б. Макфадден «Сахар»)**

Статья посвящена описанию материнской практики «исцеление» в афроамериканском социуме в романе Б. Макфадден «Сахар». Её суть заключается в том, что реабилитация взрослого темнокожего человека, выросшего без материнского участия и получившего психологическую травму в условиях расизма и дискриминации, становится возможной благодаря появлению в его жизни женщины, по-матерински заботившейся о нем.

Ключевые слова: материнство, темнокожая мать, материнская практика, исцеление, афроамериканский социум.

IRINA VAKORINA
(Smolensk)

**MOTHER PRACTICE “HEALING” IN AFRO-AMERICAN COMMUNITY
(based on the novel “Sugar” by Bernice L. McFadden)**

The article deals with the description of mother practice “healing” in Afro-American community in the novel “Sugar” by Bernice L. McFadden. Its essence reveals by showing how the recovery of adult black person, having been grown up without mother’s participation and with psychological injury having been got in the conditions of racism and discrimination, becomes possible thanks to the appearance of a woman in his life, looking after him with mother’s care.

Key words: motherhood, black mother, mother practice, recovery, Afro-American community.

Феномен «материнство» вызывает интерес у исследователей не только потому, что является фундаментальной ценностью человека, но и потому, что в каждом конкретном обществе имеет свои уникальные особенности. В частности, мировоззренческие изменения в этническом сознании афроамериканцев, происходившие в ходе становления социума, оказали определенное влияние на данный феномен.

В нашей стране ученые в основном сосредоточены на исследовании развития афроамериканской литературы (Л.А. Агрба, И.В. Гусарова, И.В. Морозова, Е.В. Пискун, Ю.Л. Сапожников и др.). Хотя в отдельных работах затрагивается афроамериканская феминистская тематика, комплексное изучение явления материнства в афроамериканском социуме не проводилось. В США исследователи анализируют саму тему материнства (P.H. Collins, M. Golden, J.E. King, C.A. Mitchell, T. Morrison, A. O’Reilly, F.Ch. Steady, N. Sudarkasa, A. Walker, N.N. Wane и др.).

Мириам Джонсон (Miriam Johnson) обращает внимание на то, что афроамериканская культура ориентирована на материнство (matrifocal culture) [5]. Для темнокожих женщин роль матери оказывается важнее роли жены. Через материнство, как кульминационный момент в жизни женщины, как некий ритуал, раскрывающий её потенциал и придающий ей определённую значимость в обществе, транслируется африканское наследие.

Ряд африканских практик, сохранившихся со времен рабства, доказывает приоритетность материнства в жизни женщины афроамериканского происхождения. К ним относятся материнская забота со стороны другой женщины (othermothering) и материнская забота со стороны общины (community mothering) (перевод наш. – И.В.). Некоторые исследователи (A. Edwards, B.J. Reagon, C.P. Steele) утверждают, что практика «материнская забота со стороны общины» возникла из практики «материнская забота со стороны другой женщины». Суть последней заключается в том, что темнокожие женщины

опекают детей, лишенных материнской любви и участия, заботятся об их физическом и психологическом благополучии. Во времена рабства негритянок и их детей часто продавали по отдельности, поэтому другие рабыни брали на себя заботу о детях, которые были разлучены с матерью. В настоящее время трудовая занятость, заключение в тюрьму, развод, наркотическая зависимость, домашнее насилие и т. д. могут стать причинами того, что темнокожие матери перестают участвовать в судьбах своих детей. В результате их в основном заменяют бабушки и прабабушки. Белл Хукс (Bell Hooks) объясняет, что в прошлом практика «материнская забота со стороны общины» позволяла работающим женщинам рассчитывать на помощь людей из общины в уходе за детьми в рабочее время [4]. Община в афроамериканском социуме представляет собой близкий круг родственников и знакомых, чьи интересы являются первостепенными и защищаются в любых обстоятельствах [3]. В отличие от белой женщины, у которой жизнь с рождением ребенка, как правило, ограничивается домашним хозяйством, темнокожая женщина всегда имеет тесную связь с общиной. Такая совместная деятельность способствует как физическому, так и духовному выживанию этноса.

В Америке закрепились и другие африканские практики, например, так называемые ‘community mothers’ и ‘church mothers’. Умудренные опытом взрослые женщины являются связующим звеном, которое сплачивает общину в борьбе за достойное существование. Благодаря им сохраняется и развивается община. Выйдя из репродуктивного возраста, они по-матерински относятся к членам общины, поддерживая их морально и вселяя в них уверенность и твердость в отстаивании прав и свобод. Вышеупомянутые реалии, преобразовавшиеся под влиянием дискриминационных настроений в Новом Свете, не перестают быть ключевыми аспектами материнства в афроамериканском социуме, принципиально отличающимися черное материнство от белого.

В продолжение этой мысли следует упомянуть теорию афроамериканской писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе, профессора Тони Моррисон (Toni Morrison) о деятельности матери (motherwork) [7], которая направлена на то, чтобы защитить детей и научить их противодействовать негативному воздействию расовой и половой дискриминации. В том случае, когда дети вырастают без материнского участия и покровительства, с психологическими проблемами самоидентичности, используется практика исцеления (healing). Её суть заключается в том, что надломленного темнокожего человека окружают материнской любовью, пониманием, поддержкой, воссоздается домашняя атмосфера, способствующая излечению его душевных ран [Там же].

Роль материнского участия в воспитании темнокожего ребёнка и возможные последствия его отсутствия описаны в романе Б. Макфадден «Сахар» [6].

Главную героиню по имени Шуга (Sugar) вырастили женщины из борделя, т. к. родная мать, сама не знающая материнской любви и заботы, посчитала правильным оставить свою дочь, ограждая ее тем самым от страданий, которые она пережила сама.

“Scared that she would go mad and abuse her child like her mother abused her. She’d rather abandon her child than put her through that hell” [Там же, с. 122].

Равнодушие женщина проявляет сразу после рождения девочки, когда бросает ее, не дождавись, пока отпадет пуповина, и даже не придумав ей имени.

“... she was in such a hurry that she didn’t even have time, to name her” [Там же, с. 131].

В результате в детстве Шуга не понимала смысл слова «мама» (“Sugar had no real sense of what a mamma was. She’d heard the word used in conversation, but its meaning was foreign to her” [Там же, с. 32]), и ей было неловко наблюдать проявления привязанности между ребенком и матерью (“Expressions of affection always made her feel uncomfortable” [Там же, с. 95]). Взрослая Шуга ведет жизнь женщины легкого поведения, потому что она не знает иной жизни.

Автор использует различные стилистические приемы, описывая душевные раны Шуги, оставленные годами, прожитыми без матери: эпитеты, позволяющие представить такое существование; олицетворение, иллюстрирующее постоянную боль, терзающую главную героиню; градацию, символизирующую потерю веры и безысходность жизненной ситуации, с которыми Шуга вынуждена мириться.

“Sugar barely noticed the biting cold and brutal wind that had its way with her as she walked down <...> to the street that would place her firmly back onto the familiar road of her life” [6, с. 224].

“Pain was an unwanted friend of Sugar’s. She couldn’t seem to get away from it, no matter where she went. Sugar looked behind her and pain was there. Looked beside her and pain was there, looked ahead and pain was beckoning her to hurry and catch up” [Там же, с. 209].

“No different than the night, week, month or year before. Always the same, so why now did the sameness of her life bother her, cause her frustration and purple anger” [Там же, с. 73].

Появление Перл (Pearl) в жизни Шуги изменило цели и взгляды девушки. Если до этого она не представляла себе, что может в ком-то нуждаться, то теперь ей необходимо чувствовать свою мать, поэтому она перебирает ее письма, вдыхая их запах, прислоняется к ним щекой. Роль материнского участия в жизни ребенка писательница акцентирует ассоциацией с Библией (“... she finally picked up the Bible and opened it to the place that held her mother’s picture” [Там же, с. 202]). Как верующие люди руководствуются Библией, каноническим собранием текстов, так ребенок познает жизнь, усваивая основные понятия и ценности через мать, «образ мира он отождествляет с образом матери» [1, с. 10].

В отличие от родной матери главной героини Перл заботилась о своей дочери Джуд в детстве и активно участвовала в ее воспитании, когда та была подростком.

“... had nursed her, stayed up all night soothing and rocking her when she was colicky. Applauded her when she took her first steps ...” [6, с. 3–4].

“You don’t meet no boy no wherever. A well-raised young man would come to your house, sit down with your family.” She’d heard it a million times from her mamma’s mouth ...” [Там же, с. 211].

Традиции, унаследованные от бабушки и матери, стали ориентирами для Перл. В свою очередь она хотела научить этой мудрости и Джуд, подарить ей вещи, которые бы напоминали о матери и символизировали связь с ней, как в свое время делали её бабушка и мать (“her starched new cotton night gown given to her by her mother as a wedding dress” [Там же, с. 130]; “her grandmother’s quilt wrapped around her damp body” [Там же, с. 171]). Но жестокое убийство ребенка не позволило Перл выполнить свой долг. И только встреча с Шугой, напоминающей родную дочь, вернула Перл к жизни полной смысла. Обращаясь к ней по имени Джуд, она учила Шугу морали, которую девочка должна усваивать от матери.

“I ain’t raise you like that, Jude. Me and father ain’t raise you to be loose!” [Там же, с. 91].

“Seth gonna see you home anyway. It’s late and a lady shouldn’t be out and about after dark” [Там же, с. 191].

Перл и ее муж спасли Шугу, которая едва не погибла от рук одного из клиентов, ухаживая за ней как за маленьким ребенком.

“They washed her together. Husband and wife. Father and mother. They washed her as if she belonged to them. They took turns feeding her or speaking small words of hope, faith and encouragement. The hugs came often accompanied by quiet easy kisses on the slope of her cheek and the brim of her head...” [Там же, с. 216].

В приведенном примере «дифференцирующая сема “female” у слова ‘mother’ отодвигается на второй план, а в семантический фокус вводится и актуализируется сема “tenderness”» [2, с. 168]. В.И. Шаховский относит данную экспликацию к уровню эмотивного потенциала. «Эмотивный потенциал ничего не меняет в семантической структуре слова, пока является потенциалом. Будучи реализованным в тексте, он эксплицирует скрытую коннотацию слова» [Там же, с. 193].

Перл любила Шугу, как только мать может любить своего ребенка. Она верила в нее, как только мать может верить в своего ребенка.

“... now I love you for you, not who you remind me of” [6, с. 169].

“Sugar ain’t spoiled, she just a little bruised, is all. Bruises can heal and fade away to nothing” [Там же, с. 194].

Безусловность материнского отношения не просто возвращает девушку к жизни в прямом и переносном смысле, но и наполняет её мечтами. Разговаривая с фотографией родной матери, Шуга делится самым сокровенным: “I gotta man, Mamma. He say I make him feel happy. I’m gonna keep making him

happy, Mamma. And maybe we'll get married and have us some baby" [6, с. 202]. Все негативные чувства, царившие в душе героини, исчезли, уступив место спокойствию, которое появилось благодаря материнскому участию.

"A quiet peace had settled over Sugar. A peace she had never known in all her years. <...> Her hurt had been replaced with tranquility. The anger that had laid heavy in her heart for so many years was no longer present in her mind and soul" [Там же, с. 223].

И хотя в конце романа Шуга оставляет свою новую семью, автор, используя прием синтаксического параллелизма, дает понять, что её жизнь сдвинулась с мертвой точки.

"One step forward, two steps backward. Two steps backward. One step forward" [Там же, с. 224].

Процесс возрождения психологически надломленной темнокожей девушки происходит, с одной стороны, благодаря реальной заботе и поддержке женщины, ставшей её духовной матерью. С другой стороны – в результате возвращения утерянной связи с кровной матерью через предметы, которые остались после её смерти. Тот факт, что исцеление в описанном случае не носит завершающий характер, свидетельствует о том, что это – долгий и сложный процесс. Кроме того, витальным оказывается не только присутствие матери или женщины её заменяющей в жизни темнокожего ребенка, но и её активное содействие.

Литература

1. Сологуб Л.Г. Материнство как социальный институт: дис. ... канд. соц. наук. М., 2001.
2. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3. Gilkes C.T. Going up for the Oppressed: Career Mobility of Black Women Community Workers // Journal of Social Issues. 1983. V. 39. No. 3. pp. 115–139.
4. Hooks B. Feminist Theory: From Margin to Center. Boston: South End, 1984.
5. Johnson M. Strong Mothers, Weak Wives: the Search for Gender Equality. Berkley: University of California Press, 1990.
6. McFadden B.L. Sugar. NY: A Plume Book, 2001.
7. O'Reilly A. Toni Morrison and Motherhood: A Politics of the Heart. NY: State University of New York, 2004.